

Владимир Алёшин

физ-культура?
физкульт-ура?

Владимир Владимирович Алешин

Физ-культура? Физкульт-ура?

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12029483
Физ-культура? Физкульт-ура?: Человек, Спорт; Москва; 2015
ISBN 978-5-906131-57-7

Аннотация

Олимпиады древности погубила вовсе не христианизация Европы, а попрание моральных и нравственных устоев в спортивной жизни. Возродив олимпийское движение, учитываем ли мы ошибки прошлого, размышляет автор этой книги, больше двадцати лет проработавший директором крупнейшего в нашей стране стадиона «Лужники».

Содержание

Вместо предисловия	4
Часть первая	14
Глава первая	14
«Обучайте дружбе»	14
От Карусели до Олимпиады	18
Рекорды, измеряемые днями	31
Почему ядро называют молотом	35
Всё решил Везувий!	40
Глава вторая	50
Проигрыш по полной программе	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Владимир Владимирович Алёшин

Физ-культура? Физкульт-ура?

Вместо предисловия

11 февраля 2011 года. Денек так себе, ветер дует от Москва-реки, небо закрыто тучами, того и гляди, посыплет снег. Но погода общего настроения не портит. Сегодня в «Лужники» прибыли почетные гости, чтоб участвовать в освящении часовни, поставленной в честь святого равноапостольного князя Владимира. Среди них олимпийский чемпион по прыжкам в воду вице-президент Олимпийского комитета Владимир Васин, глава управы района Хамовники Владимир Азаров, ветеран стадиона Александра Соколова, протоиерей Владимир Диваков...

Владимиру Ивановичу 74 года, он настоятель Московского храма Вознесения Господня в Сторожах. Непроста его судьба, и сейчас упомяну лишь о том, что он, родившись в семье военнослужащего, уже в зрелом для принятия решения двадцатилетнем возрасте поступает в Московскую ду-

ховную семинарию. Было это в 1957 году. Чем памятен для нас этот год? В первую очередь, проведением VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. К этому событию были приурочены открытие парка «Дружба» (это рядом с метро «Речной вокзал»), появление на улицах столицы «Икарусов» и первых «волжанок» ГАЗ-21, и, конечно же, рождение «Лужников», ставших вскоре знаменитыми на весь мир.

В моем рабочем кабинете висела картина, изображающая начало стройки спортивного комплекса. Пустырь, грязь, лужи, и мощная по тем временам техника в центре. Так вот, мол, начинали преобразовывать бросовую землю...

Когда я показал эту картину Дивакову, Владимир Иванович чуть вскинул брови:

– Был пустырь, говорите? Нет, стал пустырь – после этих бульдозеров. Примерно здесь на протяжении двух веков красовался Тихвинский храм – сам патриарх Никон в нём литургию служил. Надо было оставить его, он так бы сейчас смотрелся. Но историю не переписать, и место для занятий спортом здесь идеальное, согласен. Что же касается храма, и с ним самим, и с людьми, что рядом жили, столько всего происходило! Надо бы об этом рассказать...

«Надо бы, – подумал тогда я. – Вот появится время...»

Выходим из Дирекции центрального стадиона. Почти напротив входа в сетчатой вольере расположена голубятня. Роль голубей в истории спорта в целом и «Лужников» в частности заслуживает отдельного разговора. Сейчас же скажу

лишь о том, что этих птиц я тоже, может быть, полюбил из-за «голубинового» бума, случившегося в столице в середине пятидесятых опять-таки по причине проведения фестиваля. Тогда мне было десять лет, – как раз тот возраст, чтоб гонять сизарей да турманов...

«И об этом тоже надо написать», – отмечаю про себя.

Подходим к часовне. Удивительное дело: как по заказу тучи дробятся, разбегаются, и начинает светить солнце. В божественное происхождение этого явления я не очень-то верю, но все же бросаю взгляд на Дивакова. Он чуть заметно улыбается.

И тут происходит вообще нечто. Над нашими головами появляется стая голубей, описывает круг, и вдруг одна белая голубка влетает в открытые двери часовни!

Хочешь, не хочешь, но сразу возник вопрос: к чему бы это? Поверий, связанных с голубями, великое множество, и на ум пришло самое известное. Ной стал терять веру в то, что в ходе великого потопа хоть где-то осталась суша, выпустил из ковчега в полёт голубя. Тот нескоро, но вернулся с веточкой пальмы в клюве. Этим он принес благую весть хозяину: где-то есть земля, и есть деревья на ней, потому никогда не стоит терять веру...

Мы освятили часовню, разошлись, и стоило бы, наверное, забыть об этом происшествии с голубем, но оно почему-то не забывалось, и дома я рассказал об этом Нине, жене.

– Это к потопу, – сказала она с улыбкой.

– Думаешь, соседи затопят?

Нина пожала плечами:

– Что бы ни произошло, а Ной найдет сушу. Надежда на лучшее всегда должна быть жива.

Было это, повторю, 11 февраля.

А 14 апреля полсотни людей в масках и с автоматами вошли в наше административное здание. До сих пор мне казалось, что такие серьезные акции силовые структуры осуществляют по очень уж важным обстоятельствам. Тем более, эта была проведена накануне матча четвертьфинала футбольной Лиги Европы между московским «Спартакoм» и португальским «Порту»: хочешь, не хочешь, а силовой операции был сразу же придан международный масштаб, поскольку западные журналисты оказались тут же «в теме». Естественным был мой вопрос руководителю... даже не знаю, как это вернее охарактеризовать – операции, захвата, шоу... В общем, я спросил его:

«Вас сюда послали по результатам проверок?»

Дело в том, что в течение года различными ведомствами наши «Лужники» проверяли шестьдесят два раза. Ни разу никто из проверяющих не предъявил серьезных претензий, но, возможно, они появились хотя бы задним числом...

«Мы к проверкам не имеем никакого отношения», – последовал ответ.

«Тогда что же вы здесь, боевиков ищете?»

«Нет, просто делаем то, что нам велят».

На повторный мой вопрос один из руководителей этой «операции» все же предъявил постановление о проведении оперативных действий на основании заявления гражданина Кухты. В «Лужниках» такой не работал, здесь о его существовании даже не слышали, и тем не менее этот безвестный заявитель докладывал в соответствующие органы, что мы не уплачиваем налоги, занимаемся мошенничеством, используем контрафактные компьютеры и программные обеспечения...

Постановление было подписано начальником ГУВД Москвы. Исполняли его образцово: у каждого кабинета стояли автоматчики, были произведены обыски. Естественно, ничего крамольного товарищи не находили, да и не могли найти: мы ни на йоту не нарушали законы. Даже не скрывая от меня, а может, наоборот, желая, чтоб я слышал, проверяющие докладывали, что в «Лужниках» криминала не обнаруживается, а в ответ получали наставления: «Ищите лучше!»

Всё закончилось тем, что проверяющие ушли, забрав с собой два сервера, все программы и документацию, связанную с финансово-хозяйственной и трудовой деятельностью «Лужников».

Многое в понимании ситуации сразу стало на свои места: осуществлен обычный силовой захват. Пишу слово *обычный* – поскольку в последнее время много читал об этом. Мол, с

новой силой в России идет дележ собственности, вооруженные группировки захватывают друг у друга земли, недвижимость, заводы... Информация о том, что пора поменять собственника в «Лужниках», тоже витала в воздухе. И в принципе, мы были готовы к тому, чтобы сесть за стол переговоров, обсудить проблему, как говорится, в цивилизованном русле. Такие попытки мною предпринимались, и я выходил на руководство города с предложением о выкупе у акционеров (а их более трехсот) их доли, это предложение находило поддержку, но задержка, по признанию заммэра Ю. В. Росляка, была лишь в том, что у города не было денег. Да, мы понимали, что спортивный комплекс – достояние даже не города, а всей страны, что он решает задачи государственного масштаба, и в деятельности своей всегда исходили из этого. Наша территория, наши спортивные площадки, наши секции – это ведь все предназначено не для корпоративного сообщества, не для круга избранных, а именно для всех! Мы, в отличие от очень многих подобных сооружений, не брали деньги из городского бюджета, ничего не просили из государственной казны, наоборот – платили немалые налоги. И всё же к нам есть претензии как к нерадивым собственникам, неэффективным менеджерам? Что ж, мы готовы их выслушать, мы готовы, естественно, уступить место тем, кто имеет более радужные планы на преобразование «Лужников». Как в известной и любимой миллионами песне поётся:

«...Но время не унять и не сдержать...
Придут честолюбивые дублеры,
Дай Бог им лучше нашего сыграть!»

Мы готовы были также поделиться с нашими «дублерами» своим опытом, наработками... В общем, передавать дела так, как принято во всем цивилизованном мире: с тостами о преемственности, с пожеланием сохранения традиций, с добрыми чувствами людей, делающих одно дело...

Вместо всего этого – бойцы в масках с автоматами, и никакого внятного объяснения происходящему беспределу. Только через какое-то время на встрече с коллективом редакции «Комсомольской правды», а затем на страницах и в эфире некоторых других СМИ сам мэр Москвы Собянин, высокие чиновники столичного ранга озвучили причину случившегося: спорткомплекс со всеми стадионами, прочими строениями и парком должен принадлежать народу, городу, а не частным лицам, и правительство делает всё возможное для этого.

Патриотично вроде бы звучит, да? Но назовем вещи своими именами. Приватизация «Лужников» свершилась в далеком 1992 году, и почти за четверть прошедших с той поры века многочисленные проверки (включая последние, о которых мы упоминали) не нашли никаких нарушений в самом приватизационном процессе: всё там прошло законно. Следовательно, остается предполагать одно из двух: или

московское правительство, хотя оно имело пакет акций в АО, начало пересматривать итоги приватизации как явления, или благословило какие-то силы на обычный рейдерский захват притягательного и в финансовом, и в политическом, и в социальном плане объекта чужой собственности. И свершилось это без всякой мотивации! Ну в самом деле, разве можно противопоставлять, к примеру, акционеров и народ? Ладно, пусть мы частные лица, ну так и что, с улицы пришли, приобрели некий товар в свое собственное пользование? Озабочены лишь тем, чтоб получать финансовую выгоду? Но не всю ли Россию в нашем лице благодарили за организацию соревнований мирового уровня, в частности, финал футбольного Кубка европейских чемпионов? А присвоение «Лужникам» звания элитного стадиона – это разве не оценка всему нашему Отечеству?

Впрочем, об этом речь еще будет впереди, а сейчас пора заканчивать предисловие и начинать повествование о том, о чем и задумывалась эта книга – о связи морали, этики, а следовательно, об отношении власть имущих к людям, работающим в спортивной отрасли. О смысловом отличии в общем-то одного и того же слова – физ-культура и физкультура. О том, почему с древних времен чемпионы становились кумирами миллионов, а к строительству спортивных сооружений привлекались лучшие архитекторы, откуда вообще пошло это слово – стадион и кто автор популярного слогана «О, спорт, ты – мир!».

Конечно же, я прежде всего буду писать о делах российских, о том, что тревожит нас с вами сегодня, и что мы можем ожидать в будущем. Но без экскурсов в прошлое просто невозможно понять, почему спорт имеет такое объединительное начало в планетарном масштабе и вместе с тем наши, доморощенные, подходы к его проблемам отличаются от тех, какие есть в других странах.

Спорт прежде всего явление универсальное.

Если помните из истории, на Олимпийских играх в древней Греции состязались не только спортсмены, но и чтецы, поэты, певцы, актеры... Тогда это было понятно: соискателей лавровых венков победителей объединяли культура, язык, социальная среда, общее представление о человеческих ценностях... Почему на вновь возрожденных Олимпиадах это сделать невозможно? Да потому, что мир не ограничивается рамками Эллады, и нет такого судьи, который скажет, что лучше – дробь африканских барабанов там-тамов или плач итальянской скрипки. Тут, как говорится, каждому своё. Даже выступление певцов на «Евровидении» это скорее не соревнование, а шоу, фестиваль, концерт, где оценка концертного номера – дело вкуса.

А «язык» спорта объективен и конкретен. Это тот «язык», который понимает вся планета, который объединяет все народы, все культуры, все социальные формации. И потому мы вправе надеяться, что это объединение должно делать наш мир лучше, терпимее, этичней, толерантнее.

Во всяком случае, на это рассчитывали и наши далёкие предки. И уже тогда прекращали войны на время олимпийских состязаний.

Вот с этого и начнем наше повествование.

Часть первая

От Древней Греции до Кубертена

Глава первая

На заре спортивной юности

«Обучайте дружбе»

Тем, кто поставил знак равенства между спортом и миром, был... Зевс. Во всяком случае, именно его первые устроители олимпиад считали покровителем спортсменов и гостей Олимпии, на него ссылались, говоря, что здесь, в священном месте, кощунственно применять оружие, а право называться сильнейшим надо оспаривать на спортивных площадках и сообща чествовать победителей, воздавая должное и побежденным. В Олимпии, на родине богов, нет места человеческому злу, зависти и другим черным качествам. Мало того, с какого бы места страны ты ни пришел сюда (а участниками первых спортивных состязаний были представители городов-полисов Греции. Развиваясь, они нередко решали политические, экономические и территориальные претензии между собой военными средствами), на период соревнова-

ний на твоей малой родине не должно бряцать оружие. Так повелел Зевс!

Олимпиады были тогда не просто развлекательными зрелищами, но и священными праздниками: по долине реки Алфей (запомните это!) к холму Крониона, а дорога к стадиону шла мимо него, приходили поклоняться богам. Здесь же располагались так называемые сокровищницы Олимпии – небольшие постройки, где хранились подарки городов и знатных людей Зевсу. Это были своеобразные маленькие музеи с, как бы сейчас сказали, тематическими стендами, рассказывающими о спорте: на них экспонировались спортивные снаряды, принадлежащие олимпийским чемпионам, или подарки самих чемпионов. То есть, сокровищницы как бы аккумулировали в себе божественный дух и физические возможности человека. Да это и не удивительно: ведь если верить древним мифам, первым спортсменом на Земле был сын Зевса Геракл. Здесь, в Олимпии, на площадке, где потом расположится первый в мире стадион, он упражнялся со своими братьями в беге на стадий.

А знаете, что такое стадий? Длина пути, который проходит человек от того мгновенья, когда появляется первый луч солнца при восходе, и до мига, когда солнечный диск окажется над горизонтом. Естественно, величина эта не могла быть постоянной – ведь и скорость движения, и ширина шага сугубо индивидуальны. Именно по этой причине у стадия есть различные значения: стадий вавилонский, допустим, ра-

вен 194 м, стадий египетский – 172,5 м, стадий римский – 185 м... Греки настаивают, что самый правильный стадий – их: 178 м, или 600 ступней Геракла. Именно на эту дистанцию проводились забеги на первых олимпиадах. И длина стадиона была, по сути, равна длине беговой дорожки.

Что представлял собой он сам? Выровненную поверхность земли к югу от холма Крониос, рядом с алтарём Зевса. Так было в середине VI века до нашей эры. В конце этого же столетия его реконструировали, окружили искусственными насыпями, установили и трибуны, причем, с закруглениями, с каменными ложами для, так сказать, VIP-персон, и креслами для судей. Беговая дорожка была грунтовой, довольно широкой – для одновременного бега 20 человек.

А теперь, пожалуй, самое удивительное. Стадион этот вмещал... до 45 тысяч зрителей! И ныне не каждый город может похвастаться спортивными сооружениями такого масштаба. Здесь существовал и определенный сервис: отводились места для отдыха участников Олимпиады, предусматривалась организация питания и снабжения водой всех присутствующих.

И как не сказать о том, что стадион этот не только дожил до наших дней, но и выполняет свои функции: в 2004 году, во время Олимпийских игр в Афинах, здесь проходили соревнования по толканию ядра.

Что же еще касается древности... Существовал в ту пору античный город Пергам, в тридцати километрах от морского

побережья, третий по величине после Рима и Александрии. Здесь была одна из крупнейших в мире библиотек на 200 тысяч свитков – Марк Антоний подарил ее Клеопатре. Здесь работали два театра общей вместимостью на 60 тысяч зрителей – примерно столько было всех жителей города. Пергам был славен успехами медицины – здесь была открыта медицинская школа и практиковал великий врач античности Гален. Ученые этого города-царства дали возможность миру заменить папирусы на более доступный и дешевый пергамент... Впрочем, нас интересует Пергам вот почему: в нём впервые в мире был построен крытый стадион. Просматриваете взаимосвязь культуры, науки, спорта? Видите заботу властей о духовном и физическом здоровье своих подданных? Это то, что называлось ранее гармонией развития.

Город пришел в упадок, пал после того, как перешел под власть римлян и уверовал в их философию, что ценности есть суть только материальная. Захирел театр, обветшали знаменитые на всю Малую Азию лечебницы (а ведь сюда приезжали лечиться даже императоры!), стал не нужен городу-царству чудо-стадион... И в начале семисотых годов уже нашей эры Пергам легко разрушили арабские захватчики. До наших дней на его месте стоит турецкий городок Бергама, на окраинах которого видны до сих пор развалины великого города.

Мы еще будем говорить о том, почему культ спорта вдруг потерял своё значение, а олимпиады после 393 года уже на-

шей эры прекратили свое существование. Пока же остановлюсь на этом лишь вкратце. Сейчас господствует мнение, что последний император единой Римской империи Феодосий, борясь с язычеством, во славу христианства запретил всякие увеселения и игрища, хоть как-то связанные с иными богами. Смею не согласиться... Впрочем, об этом речь впереди.

Времена древние мы, повторюсь, еще будем вспоминать, а пока вернёмся в Россию, и хоть не в сегодняшний день, но все ж в века не такие отдаленные, о каких речь шла выше.

От Карусели до Олимпиады

О древних Олимпийских играх в России широко начали говорить с конца XVII века, когда в Москве открыли Славяно-Греко-Латинскую Академию – всесословное высшее образовательное учреждение. Преподавали здесь на греческом и латинском языках грамматику, пиитику, риторику, логику, физику, но первостепенное значение уделялось изучению греческого языка и культуры. Слушатели академии «вырастали» на легендах и мифах Эллады, в которых много места было уделено не только олимпийским богам, но и победителям спортивных олимпиад. Физическая сила, совершенство тела вели к силе и совершенству духа – так проповедовали древние. Это же принимали за основу, а затем, так сказать, вели в массы учившиеся в академии Антиох Кантемир, Михаил Ломоносов, Василий Тредиаковский, Леонтий Маг-

ницкий, Василий Баженов... Выполнив свою функцию фундамента российской науки, Славяно-Греко-Латинская Академия стала родоначальницей Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов, Московской Духовной Академии, туда ушли все лучшие её кадры, и конечно же, перенесли с собой знания о греческой античности, дух олимпизма, проповедничество целостности и достоинства тела, воли, разума.

И вот в 1766 году Екатерина II повелевает провести в столице олимпийский праздник, названный ею Каруселью. Это были соревнования по верховой езде, сродни нынешней выездке. Состязания греческих колесниц, входившие в программу олимпиад, они, конечно, не напоминали, но тем не менее сама императрица распорядилась победителей турнира наградить золотыми и серебряными медалями с гравировкой: «С алфеевых на невские берега». Выше уже есть упоминание о том, что Алфей (ныне Руфия) – река, протекающая мимо Олимпии и впадающая в Ионическое море: по сути, в ее долине состязались древние атлеты.

Конечно же, Карусель, скорее, была придворной игрой, а не спортивным состязанием. И проведение её вызвало лишь исторический интерес, но не побудило ни государственных мужей, ни общественность России взглянуть на спорт как на политическое, социокультурное явление.

Хотя, примерно та же картина была присуща и другим странам. Как Екатерина претендовала на продолжение в Рос-

сии древних алфеевых игр, так в том же XVIII веке немецкие гимнасты И. Гутс-Мутс и А. Фит, устроив соревнования по своему виду спорта, назвали их Олимпийскими. Несколько позже шведский ученый Г. Шортау объявил о проведении Скандинавских олимпийских игр. В середине XIX уже века офицер греческой армии Е. Цаппас стал организатором соревнований по нескольким дисциплинам и назвал их Пангреческими Олимпийскими играми. Нечто подобное происходило в Англии, Франции, Америке...

Всё это были попытки присвоить великое название заурядным соревнованиям: без философского осмысления, без идейной основы, без политического подтекста.

Интересно, не правда ли? Академии, подобные нашей Славяно-Греко-Латинской, действовали во всех ведущих государствах Европы, мода на эллинскую старину распространилась с быстротой эпидемии, однако слишком долго никому в голову не приходило не просто что-то слепо скопировать, а возродить в государственных, а потом и межгосударственных масштабах спортивные состязания, существовавшие на протяжении столетий, выполнявшие, кроме состязательной, естественно, еще и культурную, воспитательную, экономическую, политическую функции, ведущие к сплочению нации, росту её самосознания и самоуважения! Ведь посмотрите, какие требования предъявлялись древним атлетам: заниматься самосовершенствованием физическим и духовным, не совершать плохих поступков, уважать соперни-

ка, всегда оставаться признательным тем людям, кто доверил тебе выйти на арену и вступить в честную борьбу... Это же прямо моральный кодекс, который могут приветствовать любые общества даже противоположных социальных характеров!

На это просто не могли не обратить внимание, и потому далее поговорим о людях, увидевших в спорте, в физической культуре те зерна нравственности и благородства, которые должны быть присущи как отдельному человеку, так и обществу.

В первую очередь, конечно же, надо упомянуть Пьера де Кубертена, сумевшего сделать главное – подвигнуть мировых политиков и общественных деятелей к возрождению Олимпийских игр.

О нем много написано, потому изложим жизнь замечательного человека лишь вкратце.

Юноше из знатной семьи светила прямая дорога поступать в знаменитую военную академию Сен-Сир, но он предпочитает учиться в Сорбонне, на философском факультете. Изучает историю, педагогику, особо заинтересовался физическим воспитанием юношей Древней Греции. Поэтому посетил долину Алфея, то есть, те места, где проходили древние олимпиады. Сам Пьер увлекается игрой в регби, фехтованием, боксом, но главное – стучится в двери политиков Франции, ищет единомышленников для воплощения своей идеи в других странах, в том числе и в России. А идею эту он

озвучил в 1894 году (Кубертену в это время тридцать лет) в Сорбонне на международном атлетическом конгрессе: возродить Олимпийские игры и провести Первую Олимпиаду в 1896 году в Афинах.

В письме, которое Кубертен разослал перед этим во многие страны мира, он писал:

«Возрождение Олимпийских игр на принципах и условиях, которые соответствовали бы запросам современного общества, сделает возможной встречу представителей всех народов мира каждые четыре года. Мы надеемся, что эти мирные и благородные состязания будут лучшим выражением духа интернационализма».

Спорт для Кубертена виделся как средство образования и воспитания, взаимопонимания между народами. И еще:

«Современный атлетизм имеет две тенденции... Он становится демократичным и интернациональным. Это течение, родившееся из великой тяги к миру и братству, к дружбе, которые возникают из глубин человеческого сердца... Здоровая демократия, мудрый и мирный интернационализм проникнут на новый стадион, что позволит атлетизму совершить дело морального совершенствования социального мира одновременно с развитием мышц».

Позже, в «Оде спорту», барон Кубертен напишет: «О спорт! ты мир, прогресс, радость, справедливость, вызов,

благородство, наслаждение, зодчий, плодотворность!» Эту фразу как-то редко приводят целиком, и потому остаются за бортом понимания его слова о справедливости, благородстве – может быть, самые значимые из всех.

Эмблему Игр – пять переплетенных колец – придумал сам Кубертен. И главный принцип Игр сформулировал тоже он: «Самое важное в Олимпийских играх – не победа, а участие, также как в жизни самое главное – не триумф, а борьба».

За это его называли романтиком, оторванным от реалий жизни. И к этой теме мы еще тоже вернемся.

Кубертену же приписывают и авторство олимпийского девиза *Citius, Altius, Fortius* (дословно – Быстрее, Выше, Храбрее, но более распространён перевод Быстрее, Выше, Сильнее). Это не так. Его сочинил французский священник Анри-Мартин Дидон, написавший знаменитую в то время книгу «Жизнь Иисуса Христа» и большой поклонник спорта.

Однако давайте посмотрим, как отнеслись к предложению и инициативам Кубертена в России.

На том самом международном конгрессе, о котором говорилось чуть выше, присутствовал Алексей Дмитриевич Бутовский, военный педагог, служивший в главном управлении учебных заведений Российской империи. Пятидесятипятилетний генерал, имевший ордена за отличие в боевых операциях, он решил посвятить себя решению проблем физического воспитания будущих офицеров, стал инициатором введения в военных гимназиях занятий по фехтованию,

гимнастике. Усилия его увидели и оценили, утвердили членом комиссии при министерстве просвещения для разработки вопроса о преподавании военной гимнастики в гражданских учебных заведениях. В связи с этим Алексей Дмитриевич едет в европейские страны для изучения опыта подобной работы и во Франции в 1892 году знакомится с бароном Пьером де Кубертенем. Знакомство переросло в дружбу, между ними устанавливается переписка, барон делится с Бутовским идеями о воссоздании олимпийского движения, предлагает ему стать членом МОК от России, и уже в этом качестве Алексей Дмитриевич прибывает в Сорбонну на конгресс и официально входит там в первый состав Международного Олимпийского Комитета.

Вернувшись домой, Бутовский с энтузиазмом принимается за дело. Понимая, что сформировать полнокровную российскую спортивную команду на афинскую олимпиаду нет ни времени, ни сил, он ставит перед собой цель организационно готовым подойти ко второй Олимпиаде, которая должна состояться в Париже в 1900 году. Он стучится в министерства и ведомства, идет к редакторам газет и журналов, рассказывает там о необходимости создания Национального Олимпийского Комитета, но в 1895 году с горечью вынужден писать Кубертену:

«В России к проблеме физического воспитания относятся с большой долей безразличия. Наша пресса вообще не заинтересована в том, чтобы освещать

вопросы физического воспитания... Тем не менее, я не отказался от надежды образовать комитет в поддержку Олимпийских игр».

Да, не отказался. Алексей Дмитриевич встречается с представителями спортивных обществ, избирается даже главным комитетом по подготовке сборной к играм в Париже, но – следует отказ в государственном финансировании олимпийского проекта, и А. Бутовский уходит из МОК в добровольную отставку.

На это место он рекомендует Кубертену сразу двоих – графа Георгия Ивановича Рибопьера и князя Сергея Константиновича Белосельского-Белозерского.

Рибопьер служил в гусарском полку, в русско-турецкую войну участвовал в военных действиях, за что был награжден высокими орденами, но по ранению ушел в отставку, приобрел конный завод, увлекся гиревым спортом, организовал Санкт-Петербургское атлетическое общество, где собирались любители борьбы, бокса, стрельбы, фехтования. В Манеже, принадлежавшем Георгию Ивановичу, был проведен первый чемпионат России по тяжелой атлетике.

Белосельский-Белозерский был своим в светском и спортивном обществах, родословная его шла от Рюриков. Он являлся самым активным организатором лиг футбола и хоккея Санкт-Петербурга, финансировал столичный клуб «Спорт»...

Словом, эти трое – люди уважаемые, влиятельные, с вы-

сокой репутацией, даже на международной арене они добились немало на спортивном поприще. (Так, благодаря предложениям Рибопьера в программу Олимпиад были введены борьба, тяжелая атлетика). Но в России все их инициативы и предложения наткнулись на стену непонимания. Министерство внутренних дел не считало нужным «спортивные забавы» возводить в ранг государственно значимых, Министерство просвещения на проекте учреждения Российского атлетического комитета с отделением «Олимпийские игры» наложило резолюцию: *«...признать расходящимся с общепризнанными принципами правительственных учреждений»*.

Так что на вторую Олимпиаду, в Париж, наши спортсмены не поехали, на третью, в Сент-Луис, тоже, и лишь на четвертую, в Лондон, благодаря исключительным усилиям Г. И. Рибопьера, так и не имея еще своего Российского Олимпийского Комитета, отправилось пять спортсменов. Один из них и стал первым в отечественной истории олимпийским чемпионом – Николай Панин-Коломенкин. Еще двое, борцы Николай Орлов и Александр Петров, стали серебряными призерами.

Уж коли мы решили поговорить о связи морали, этики и спорта, то нельзя не упомянуть об эпизоде, имевшем место быть на Лондонской Олимпиаде, тем более что он имеет прямое отношение к одному из наших спортсменов, а именно – как раз к чемпиону по фигурному катанию Николаю Пани-

ну-Коломенкину.

За золото он боролся с очень сильными соперниками, в числе которых был семикратный чемпион мира швед Ульрих Сальхов. Вот что вспоминал об этом сам победитель:

«Перед стартом Сальхов смотрел на меня с нескрываемой злобой, и я случайно узнал, что он сказал чемпиону Германии Бургеру: „Я выведу его из себя“. Это относилось, конечно, ко мне; он трусил и, видимо, решился на какую-то подлость. И действительно, во время исполнения мною второй обязательной фигуры – восьмерки на одной ноге назад – вдруг раздался громкий выкрик Сальхова: „Разве это фигура? Она совсем кривая!“ Фигура не была кривая, и я не обратил на его выкрик никакого внимания. На следующей фигуре Сальхов повторил свою „психическую атаку“, а главный судья англичанин Фоулер продолжал молчать и только по моему протесту сделал ему замечание. Тогда семикратный чемпион мира начал выкрикивать по моему адресу ругательства и даже угрозы, но эта грубая попытка вывести меня из равновесия ни к чему не привела...».

Завершалось соревнование фигуристов специальным упражнением. Участники их показывали судьям расчерченные на бумаге фигуры, которые собирались «нарисовать» на льду. Увидев те четыре фигуры, которые предложил Николай, судьи единогласно сказали: «Это невозможно! Вы, наверное, просто психологически хотите подавить соперни-

ков? То, что вы предлагаете – фантастика, которая никогда не сбудется!» Тут в комнату судей вошел (тогда это разрешалось) Ульрих Сальхов, посмотрел заявочный чертеж и... снялся с соревнований. Он как никто другой реально оценивал силу русского и понимал, что на равных соперничать с ним не в состоянии. А Панин откатал свой чертёж в точности и получил за это рекордные баллы.

Так давались нам победы и так на практике некоторые спортсмены «осуществляли» призыв к братству, дружбе, благородству. Однако это были одни из первых Игр, а для того, чтобы воспитать в участнике Олимпиады гражданина высоких идеалов, нужно было, по замыслу Кубертена и его единомышленников, время, нужен был труд организаторов. Это все, конечно, понимали и списывали подобные «накладки» на болезнь роста. Придет время, и Олимпиады сделают лучше и чище не только конкретного человека, но и общество в целом.

Прекрасная цель...

Но пока неблагоприятные поступки сродни выше описанному все же сопровождали эти соревнования мирового уровня. Так, на III Олимпиаде в Сент-Луисе «отличился» американец Фред Лорц, участник марафонского забега. Трасса была проложена по холмистой местности, постоянные подъемы-спуски так выматывали силы спортсменов, что у находившегося в лидирующей группе Лорца через 12 километров после старта сильнейшая судорога свела ноги. И тогда

бегун сел в машину одного из болельщиков, сопровождавших спортсменов, проехал на ней около двадцати километров, ноги его за это время пришли в норму, он вновь побежал и, естественно, первым оказался на стадионе. Оркестр исполнил государственный гимн США, дочь президента Алиса Рузвельт успела вручить Фреду золотую медаль и даже сфотографироваться с ним, когда на финишной прямой оказался действительно лидер забега...

За этот обман Лорц был пожизненно дисквалифицирован, но так искренне раскаивался, что уже на следующий год ему разрешили участвовать в первенстве США, и на сей раз он выиграл марафон вполне законно.

Кстати, и на Лондонской Олимпиаде очередной курьез случился именно с марафонцами. Один из участников его, итальянец Дорандо Пиетри первым вбежал на стадион White City, а потом... потерял ориентацию и повернул назад. Пиетри показали правильное направление, он опять развернулся, однако добежать так и не сумел: потерял сознание. Два зрителя (говорят, одним из них был знаменитый писатель Конан Дойл) вскочили с мест, привели спортсмена в чувство, помогли добраться до финиша. Но итальянцу победу не дали: он был дисквалифицирован за то, что принял постороннюю помощь. Хотя, без награды Пиетри не остался: сама королева Александра одарила его «утешительным» призом: копией того олимпийского кубка, который был вручен победителю марафона.

Там же, в Англии, в финальном забеге на 400 метров приняли участие трое атлетов США и один представитель команды хозяев Олимпиады. Американец Джон Карпентер, видя, что за 100 метров до финиша его начинает обходить британец Холсвел, расставил локти и не дал сопернику выйти вперед. Американца тотчас дисквалифицировали и отстранили от дальнейшего участия в олимпийских мероприятиях, забег решено было повторить, но главный тренер сборной США в знак протеста снял с соревнований своих атлетов. Холсвел пробежал дистанцию в одиночестве и получил золотую медаль. Кстати, после этого случая стали наносить разметку бегового круга.

Примерно по тому же сценарию – без соперничества – досталась британцам и победа в соревнованиях по перетягиванию каната. Правилами запрещалось участникам этого вида состязаний иметь обувь с шипами или иными выступами. Но за хозяев выступала команда ливерпульских полицейских, одетая в профессиональную форму, в том числе и в ботинки с металлическими набойками на подошвах. Американцы заявили протест, пригрозили сняться с соревнований, если их соперники не переобуются. Судейская коллегия – сплошь англичане – протест отклонила и назвала британцев победителями.

Так начиналась новая эра олимпиад. По идее, в «начале славных дел» можно было ждать скорее просчетов организационных, поскольку идея игр, главные их лозунги о честной,

справедливой борьбе были еще, так сказать, не замылены, витали в воздухе, произносились с трибун первыми лицами государств, политиками, самими спортсменами. Но...

Невольно вспоминается Ахматова:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...

В общем, который раз уже приходится констатировать: никуда нам не деться от «сора», от реалий жизни, какова она сама, таков и спорт. Это, скорее всего, понимал и сам Пьер де Кубертен. Однако барон говорил: да, общество несовершенно, но почему бы не попробовать исправить его высокими целями? Почему бы не объединить людей благородной идеей заменить поля боевых сражений спортивными площадками? И сделать так, чтобы соревнования были не битвами за результат, а праздниками (вспомните его призыв: главное не победа, а участие)?

Почему олимпиады не получились такими, какими были замыслены? Сложный вопрос. И давайте подумаем вместе над ответом. Для начала обратимся к личности, не имевшей никакого отношения к спорту – к Адаму Смиту.

Рекорды, измеряемые днями

Основоположник современной экономической теории, он в четырнадцать лет поступает в университет Глазго на фа-

культет моральной философии, в двадцать пять уже читает лекции в Эдинбурге. Студенты и ученые слушали его, открыв рты – Смит говорил о вещах совсем новых, смелых и неслыханных доселе (а дело было, между прочим, в середине XVIII века). Он утверждал, что государственные позиции, равно как и экономические, надо обязательно рассматривать под углом морали и нравственности тех, кто стоит у кормил власти и экономики. Проповедуя «систему естественной свободы», то есть, рыночную систему, он делал ударение при этом на то, что ныне стыдливо замалчивают: на стандарты этического поведения самих рыночников. Без приоритета нравственных императивов любая система утратит состояние стабильности, то есть, если, грубо говоря, мы будем думать только об экономической выгоде, мы потеряем духовность и перестанем быть обществом в высоком понимании смысла этого слова.

Вывод Адама Смита злободневен и сейчас, но вернемся во времена барона Кубертена, поскольку тогда предупреждения «первого рыночника» имели место случиться в межгосударственных масштабах.

Итак, в Греции состоялись первые Олимпийские игры нового образца, в них приняли участие 176 спортсменов из 12 стран. В девяти видах спорта они выясняли отношения с 6 по 13 апреля 1896 года. Настало время принимать Олимпиаду Франции. И тут выяснилось, что у Национального Олимпийского Комитета этой страны нет средств, чтоб провести

соревнования такого уровня и так, как видел их Кубертен. Положение создалось критическое, тем более что человек, который пообещал было предоставить для спортсменов свой парк, в самый последний момент передумал, испугавшись, что пострадают его газоны.

Но именно в 1900 году в Париже должна проводиться Всемирная выставка, и Кубертен идет на поклон к ее организаторам. О сути переговоров мы можем судить по записи в дневнике барона:

«Если и есть в мире место, где к Олимпийским играм абсолютно равнодушны, то это место – Париж».

К переговорам присоединяются члены Международного Олимпийского Комитета, вопрос решается со скрипом, Игры готовы рассматривать лишь как бесплатное приложение, как развлекательную программу к Выставке, к тому же при этом Кубертен фактически отстранен от руководства ими, поскольку он, как бы сказали сейчас, плохой менеджер. Тут надо прежде всего думать о финансовой стороне вопроса, и составлять календарь состязаний так, чтоб они не отвлекали гостей и участников Выставки от всего того, что приносит деньги (французской казне Выставка принесла более 7 млн. франков, сумма по тем временам значимая). Понимаете, говорили её устроители, мы демонстрируем то, что будет двигать вперед производства и науку, – дизельный двигатель, эскалаторы, самый большой в мире телескоп, русские мосты через сибирские реки, приставку к озвучиванию фильмов...

А ваша Олимпиада – она не самодостаточна, мы рассматриваем ее лишь как развлекательную программу при Выставке...

Так всё и вышло. Олимпиада в Париже началась 14 мая, а завершилась 28 октября. То есть, более пяти месяцев около тысячи спортсменов (даже точное количество их не установлено) состязались в двадцати видах спорта.

На следующей Олимпиаде, в Сент-Луисе, творилось почти то же самое. Игры опять связали со Всемирной выставкой, на них приехали 650 человек из 12 стран выявлять сильнейших в 18 видах спорта, и длились они с середины мая по конец ноября. Выступали спортсмены в основном в рекламных целях, организаторы выставки не скупилась на награды, золотых медалей «наклепали» сколько хотели и раздавали их тем, кто лучше проявлял себя в продвижении товаров. Вот потому и вышло, что кроме 91 золотой медали (а именно столько, по официальному подсчету, их разыгрывалось на III Олимпиаде), звания чемпионов получили еще 390 человек.

Что интересно, чуть ли не в равной степени с Олимпиадой организаторы выставки рассматривали также проведение «человеческого зоопарка», где как пародию на спорт показывали состязания представителей туземных племен Африки и Океании, а также многочасовые реконструкции сражений англо-бурской войны. Всё это вместе взятое, писали газеты, помогло получить от выставки в Сент-Луисе большую прибыль.

Такими получались «стандарты этического поведения» того рынка, который воспевал Адам Смит, и тех рыночников, которых он опасался.

Однако, как говорят, отрицательный результат – тоже результат, и довольно скоро отношение к большому спорту в мире изменилось. Но прежде чем повести об этом разговор, скажем, почему самые значимые спортивные события в мире мы связываем именно с Олимпиадами.

Почему ядро называют молотом

Силушкой своей что на Руси, что в мире люди мерились испокон веку. Спорили, и кто дальше камень бросит, и кто быстрее реку переплывет, и кто ловчее ручей перепрыгнет, и кто от дерева до дерева первым добежит... Но это всё были игрища, забавы. Спорт стал становиться спортом, когда участники его начали выступать по единым правилам и нормативам – стабильным, универсальным, стандартным.

Для примера возьмем прыжки с шестом. Во время официальных соревнований по легкой атлетике во второй половине XIX века один из азиатских прыгунов вышел в сектор с шестом, на конце которого был закреплен треножник. Легкой трусцой он добежал до планки, установил возле нее свой шест и... стал взбираться по нему как по канату. Достиг нужной ему высоты, сделал мах ногами и благополучно совершил прыжок через планку. Судьи подняли было крик, не за-

считали эту попытку, на что спортсмен резонно ответил: «А в чем я нарушил правила? Для выполнения этого упражнения нужен шест, планка и прыжок через нее, так? Я всё это и выполнил!»

Пришлось писать более подробные и ясные правила.

В толкании тяжестей ядро пришло на смену камню как бы само собой: удобно руке, стандартный вес, не надо бояться, что расколется... По той же причине метатели молота заменили собственно молот на ядро сначала с цепью, а затем с тросом. Правда, название упражнения осталось старым.

Правила и нормативы по спортивным дисциплинам составлялись и утверждались очень даже неспешно и на энтузиазме любителей. Так, те же пояснения, как надо прыгать с шестом, появились лишь в 1889 году. А всё потому, что в этом не было большой необходимости. В государственные системы спорт не вписывался, ибо не попадал в зону интересов ни одного из существовавших министерств. На редкие спортивные состязания (улица на улицу, институт на институт) ходили смотреть как на балаганные выступления. Гимнасты, борцы нередко вообще были приписаны к цирковым труппам. Поскольку в легкой атлетике не велся учет лучших результатов, соперничество сводилось только к очным поединкам. Грубо говоря, зритель видел: сегодня в забеге победил Иванов, вчера – Петров, позавчера – Сидоров, и коль не определить, кто же лучший бегун, то стоит ли ходить на стадионы?

Когда результаты стали фиксироваться, соизмеряться с секундами, сантиметрами, граммами, тогда появился термин «рекорд» и зрители уже могли соотносить скорости Иванова-Петрова-Сидорова с лучшими мировыми, держать в голове, так сказать, табель о рангах. Они уже хотели видеть не просто бегуна, а лучшего – в городе ли, в государстве, на континенте...

Какую все-таки дату считать началом легкой атлетики? Многие специалисты склоняются к 1837 году, когда учащиеся одного из английских колледжей стали регулярно проводить забеги на определенную дистанцию (она была выбрана произвольно, просто привязывалась к местности и составляла около 2 км). Хорошие примеры тоже заразительны, и в 1864 году соревнования по бегу на короткие дистанции и с препятствиями, метанию молота и толканию ядра прошли между студентами Оксфорда и Кембриджа. Тотчас на это начинание откликнулись другие университеты, и в 1865 году был основан Лондонский атлетический клуб. Через три года спортом «заболели» американские студенты, создав свой спортивный союз...

Однако нас, конечно, больше интересует, как начинался организованный спорт в России. Первые соревнования по легкой атлетике состоялись 6 августа 1888 года в пригороде Санкт-Петербурга. О них было заранее объявлено в газете, собраны пожертвования на призы, но имена участников и победителей забега на 4 версты (это был единствен-

ный вид соревнований), увы, до нас не дошли. Инициатором забега стал Петр Москвин, тогда семнадцатилетний студент, а позже – служащий Русского торгово-промышленного банка. Удивительно энергичный, деятельный человек, он был создателем кружка любителей спорта – первой отечественной организации легкоатлетов, основателем футбольных, хоккейных команд, уже после революции разработал основы правил и судейства соревнований, получил звание Заслуженного мастера спорта СССР...

Кстати, официальная регистрация рекордов по легкой атлетике в России началась в 1900 году, и в беге на 100 метров автором лучшего результата (12,6 сек.) стал П. Москвин.

Петр Павлович Москвин погиб во время Ашхабадского землетрясения в 1948 году.

Дату первых российских соревнований признали и на официальном уровне, потому в 1908 году, в честь двадцатилетия первого забега, провели первый чемпионат России по легкой атлетике. В нем участвовало, правда, всего около пятидесяти спортсменов, но ценность чемпионата была в другом: он дал толчок для появления спортивных кружков в Москве, Киеве, Одессе, Самаре... И в 1911 году был создан Всероссийский союз любителей легкой атлетики, объединивший около 20 спортивных кружков из различных городов. Еще год спустя наша команда впервые приняла участие в Олимпийских играх в Стокгольме. Здесь надо только сделать одно уточнение: впервые – под эгидой своего На-

ционального Олимпийского Комитета. До этого у нас ведь и на Олимпиаду в Париж один участник заявлялся (но не выступил там), и в Лондон по инициативе российских спортивных клубов и обществ восемь спортсменов ездили, но лишь пять из них выступили на его аренах, причем, кроме Н. Панина-Коломенкина, о котором речь уже шла выше, призерами стали борцы А. Петров и Н. Орлов.

Именно Олимпийские стадионы явились по сути первой международной ареной, на которой выступили не только наши соотечественники, но и легкоатлеты многих других стран. Ведь чемпионаты мира, кто не знает, начали проводиться гораздо позднее, лишь с 1983 года. (Правда, до этого, в 1976 и 1980 годах, проходили чемпионаты мира в дисциплинах, не входивших тогда в олимпийскую программу – ходьба на 50 км у мужчин, бег на 3 000 м и бег с барьерами на 400 м у женщин).

И потом, Олимпиада – это ведь не просто «голы, очки, секунды» – это философия! Это демонстрация того, каким, собственно, спорт должен быть и ради чего поднимаются над стадионами знамёна с пятью кольцами, демонстрация уровня зрелости политиков, начиная от руководителей государств.

Каким оказался этот уровень в Париже и Сент-Луисе, мы уже увидели – спорт там был на задворках. Теперь предстояло проведение очередной, IV Олимпиады. По начальным планам состояться она должна была в Италии, однако...

Всё решил Везувий!

Однако верна пословица: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Кто знает, как прошли бы Игры в Италии, но этого не случилось.

А случилось вот что.

На сессии МОК, которая состоялась в Лондоне в 1904 году, в качестве претендентов на место проведения IV Олимпийских игр Лондон вообще не значился. Рассматривались другие кандидатуры: Берлин (Германия), Милан и Рим (Италия). Пьер де Кубертен отдал свой голос за столицу Италии, его поддержали король этой страны, Папа Римский, мэр Рима, и только премьер-министр выразил опасение, что у государства маловато денег для проведения такого масштабного мероприятия. Тем не менее, решение было принято, но спустя два года свои коррективы внесла природа.

Ранним апрельским утром 1906 года, который уже раз за свою историю, проснулся Везувий. Камни весом до двух тонн разрушали жилые дома и церкви стоявших поблизости селений. О церквях упоминаю не для красного словца. Дело в том, что когда вулкан стал проявлять свою активность, крестьяне поспешили спрятаться за стенами соборов. Увы! Сотни трупов, сожженные деревни, крупные разрушения в городах Терциньо, Сан-Джузеппе, Оттавиано...

В общем, Италия отказалась принимать Олимпиаду, и отказ этот был понят.

Тогда представители МОК в срочном порядке едут в Афины, чтобы встретиться там с... председателем Британской олимпийской ассоциации Уильямом Гренфеллом, прибывшим в Грецию на... Олимпийские игры. Скажете, что с Гренфеллом надо было встречаться в Лондоне, а в 1906 году Олимпийские игры не проводились? Так нет же, проводились! Об этом сейчас редко пишут, поэтому есть смысл напомнить суть дела.

И греческое правительство, и греческий НОК неоднократно заявляли, что их страна как родоначальница вправе оставаться хозяйкой Олимпийских игр вовеки веков. Неудачные по организации французские и американские игры только усилили позицию Афин, но Международный Олимпийский Комитет не разделял эту точку зрения. Однако одну уступку сделал: разрешил проводить так называемые Внеочередные игры, не предусмотренные олимпийскими правилами. Окончательный статус их еще не был продуман, но в 1906 году первая (и оставшаяся единственной) межолимпиада состоялась, собрала, кстати, участников больше, чем выступало олимпийцев в Сент-Луисе.

Вот здесь-то и прошли переговоры членов Олимпийского комитета с Гренфеллом. Конечно, не сам он всё решал, но к концу того года в МОК поступило официальное письмо с согласием провести Олимпиаду в Лондоне. Правда, с одним

условием, которое резануло ножом по сердцу Пьера де Кубертена. Как мы уже знаем, в Париже и Сент-Луисе Игры «пристегивались» к Всемирным торговым выставкам, были просто придаточным рычажком в ином деле, и в Англии, сославшись на катастрофическую нехватку времени для подготовки Олимпиады, её предложили увязать с Франко-Британской выставкой. Тут же, правда, заверили, что учтут чужие ошибки и в этой совместной программе спорту уделят подобающее место. В качестве подтверждения этих заверений пообещали к началу Игр построить стадион, такой, какого еще не видела Европа. И слово сдержали!..

Только прежде чем рассказать о нем, надо, думается, посвятить читателя в проблемы строительства спортивных объектов в те годы.

До середины девятнадцатого века подобного строительства вообще не было. Мы знаем, что Средневековье не просто временное понятие – ему присущи политические и социальные отличия от других времен. Занятия физическими упражнениями тогда расценивались как богохульство, ими могли заниматься лишь военные, но для этого никаких специальных построек возводить не надо было, годились плацы и казармы.

Вот почему, когда пришло время проводить первую возрожденную Олимпиаду, в Греции для этого нашелся лишь один достойный спортивный объект: Мраморный стадион «Каллимармаро», называемый еще «Панатинаикосом» (до-

словно – прекрасный мраморный). Построен он был еще во времена древних Олимпиад, но не для них. Это был, как бы сейчас сказали, объект городского подчинения, возведенный по инициативе архонта (мэра по-нашему) Ликурга для Панафинейских игр, которые проводились раз в четыре года в честь богини Афины в третий олимпийский год в первый месяц аттического года, в соответствии с нынешним календарём длившийся с 15 июля по 15 августа. О размахе и популярности тех соревнований и того отношения к спорту говорит хотя бы такой факт: в античные времена стадион претерпел две реконструкции: сначала деревянные трибуны были заменены на мраморные, а затем сам он был увеличен и мог принять... 50 тысяч зрителей!

Перед первой Олимпиадой, в 1895 году, «Панатинаикос» был реконструирован, но, что нужно подчеркнуть, по старым лекалам, потому, наверное, правильнее говорить о его восстановлении, а не о реконструкции. В древности, правда, беговая дорожка составляла 192 м 25 см, и спортсмены, бежавшие на большие дистанции, в конце её разворачивались и проделывали обратный путь. Теперь же беговая дорожка шла по кругу, но вираж при этом был слишком крут, что снижало скорость бегунов и лишало их возможности выполнять на данном отрезке какие бы ни было маневры. На этом стадионе в 1896 году проходили олимпийские состязания по легкой атлетике.

(Надо сказать, что и в ходе греческой Олимпиады-2004

«Панатинаикос» тоже являлся ареной состязаний: здесь выявляли сильнейших стрелки из лука и финишировали участники марафонского забега).

А вот что к первой Олимпиаде построили с нуля, так это велодром «Нео Фалирон». Велоспорт был весьма популярен во второй половине XIX века, особенно трековые гонки. Стадионы для них появлялись во многих европейских странах, в том числе и в России: в Риге, Одессе, Киеве. Треки были здесь цементные, а в Санкт-Петербурге смонтировали сборно-разборный деревянный, правда, длиной всего 250 метров. «Нео Фалирон» по конструкции напоминал современные велодромы, и в то время был, конечно же, образцом.

Искусственных бассейнов в Афинах не было, и соревнования по плаванию проводились на открытой воде – в заливе Эгейского моря. Спортивная гимнастика, тяжелая атлетика – эти виды спорта тоже проходили на открытом воздухе – площадках Мраморного стадиона. Так что строительство олимпийских объектов в стране выше сказанным и ограничилось.

В Париже если что и можно было назвать объектом, построенным к Олимпиаде, то это с большой натяжкой – «Стад-Велодром Парк де Пренс», прекрасный многофункциональный стадион, с велотреком вокруг игрового поля. На поле играли регбисты и футболисты, а на треке сражались за победы велосипедисты и мотогонщики. В дни Олимпиады-1900 борьбу за медали здесь вели велогонщики и футбо-

листы, но надо уточнить, что начали строить стадион в «Парке принцев» задолго до того, как было принято решение проводить II Олимпиаду во Франции, а распахнул он свои ворота для зрителей и спортсменов еще в 1897 году.

Интересна дальнейшая судьба стадиона. Стоит подробнее остановиться на этом, поскольку здесь напрашиваются аналогии с нашими «Лужниками» – ведь ни для кого не секрет, что кроме всех прочих планов есть и план сноса нашего спортивного ансамбля.

Так вот, вскоре после Олимпиады «Парк де Пренс» (в переводе – «Парк Принцев», ибо в местах, где он расположен, в Булонском лесу, любили совершать прогулки члены королевской фамилии) стал ключевым местом в проведении престижнейшей велогонки мира – Тур де Франс. На газоне этого стадиона начала проводить игры сборная этой страны по футболу. Когда Франция готовилась принимать летние Олимпийские игры 1924 года, «Парк де Пренс» был основательно реконструирован, значительно увеличилась его вместимость (хотя, заметим, главной ареной тех Игр стал другой стадион Парижа – «Стад Олимпик Ив-дю-Маноир»). Здесь играли матчи чемпионата мира по футболу 1938 года, финал Латинского Кубка (проходил такой между федерациями Франции, Испании, Италии и Португалии), разыгрывался первый Кубок Европейских Чемпионов и первый в истории Европы континентальный чемпионат между национальными сборными. Тогда в далёком уже 1960 году на «Парк де

Пренс» в финальном поединке встретились сборные СССР и Югославии. Мы одержали победу – 2:1.

С «Парк де Пренс» велась первая прямая телетрансляция, здесь было установлено первое искусственное освещение игрового поля (186 прожекторов), и отныне футбольные встречи могли проходить по вечерам, после рабочего дня, что было крайне выгодно для зрителей и стадионной бухгалтерии... Словом, в истории Парижа и страны стадион занял свое высокое место: важная его роль в жизни государства ценилась по достоинству.

Но тут появилась острая необходимость строить вокруг столицы кольцевую дорогу. И как ни ломали головы проектировщики, единственным приемлемым вариантом оказался тот, на котором будущая автотрасса должна была пересечь «Парк де Пренс» – гордость парижан. Ни общественность, ни политики этого не хотели, в средствах массовой информации устроили общественное обсуждение вызревший проблемы, и оно еще раз подтвердило: да, дорога нужна, да, иным маршрутом её не проложить, но нужен и стадион с такой неповторимой историей...

Что получилось в итоге? «Парк де Пренс» остался на прежнем месте, правда, его основательно перестроили, поставили двухъярусные трибуны, крышу, увеличили общую вместимость зрителей... И дорога прошла там, где и должна была проходить. Участок многополосного шоссе был взят в тоннель, «упрятан» под землю, а стадион оказался над ним.

Первый футбольный матч на обновленном стадионе, а вместе с ним официальное открытие его состоялось в 1972 году. Об этом, конечно, можно было бы и не упоминать, если бы не то обстоятельство, что на «Парк де Пренс» сошлись олимпийские сборные (это была отборочная игра на мюнхенскую Олимпиаду) Франции и СССР. Мы тогда победили со счетом 3:1, два гола забил Олег Блохин.

Футбольное поле здесь сейчас является домашней ареной знаменитого клуба ПСЖ.

Вывод сказанному один: любую проблему можно решить, если есть на то воля и желание.

Чтобы еще раз убедиться в этом, вернемся в прошлое, на сей раз в годы, предшествующие Олимпиаде-1908.

Как уже было сказано выше, её должен был принять Лондон, времени на качественную подготовку из-за перенесения Игр не хватало, как не хватало и средств, не было даже стадиона, на котором проходили бы основные соревнования. Но организаторы Игр нашли общий язык с руководителями Франко-Британской выставки, и Дирекция её срочно занялась строительством спорткомплекса в обмен на 75 процентов доходов от билетов, которые могли быть раскуплены зрителями. Чувствуете интригу данного шага? Руководители выставки, по сути, коммерсанты, были теперь сами заинтересованы в том, чтобы «Уайт Сити» – так называли стадион – не пустовал, чтоб были заполнены его трибуны. А трибуны оказались вместительными, рассчитанными почти на

100 тысяч посетителей. На «Уайт Сити» разместились плавательный бассейн длиной 100 метров и шириной 15 метров, арена для соревнований по борьбе, проходили соревнования по велоспорту. Для этого вокруг гаревой дорожки длиной в треть мили проложили цементную.

Общая стоимость строительства стадиона составила 220 тысяч фунтов стерлингов, огромные по тем временам деньги, но расходы, как показало время, окупили себя.

Однако суть не только ведь в деньгах. Мир наконец начал осознавать значение Олимпийских игр. На спортивных площадках, оказывается, даже малая страна может заявить о себе, отблеск медалей чемпионов прекрасно высвечивает и державу, пославшую их на соревнования планетарного уровня, успехи атлетов приносят властям политические дивиденды, средства, которые представители страны-организатора Олимпиады вкладывают в строительство спортивных объектов и инфраструктуру города, возвращаются с лихвой...

Появилась очередь государств, желавших принимать Олимпиаду у себя. Уверенно росло число стран-участниц Игр. (Исключение – Сент-Луис, где Олимпиаду можно назвать чемпионатом Америки. В ней приняло участие чуть более 650 человек, и лишь 52 спортсмена из этого числа представляли не США).

В Стокгольм, на Игры V Олимпиады, впервые приехали представители всех пяти континентов Земли – в общей сложности спортсмены 29 стран. Были среди них и послан-

цы России.

Глава вторая

Забывтые слова Кубертена

Проигрыш по полной программе

По уровню организации стокгольмские Игры получились примерно такими, какими их и хотел видеть Пьер де Кубертен. Ни к какому мероприятию они не были привязаны. Проходили в относительно сжатые сроки (не как раньше – по полгода) и по заранее намеченному графику. В церемонии открытия и закрытия Игр участвовали первые лица государства-организатора. Победители (их называли олимпиониками) получали медали действительно из чистого золота.

Кроме медалей, в качестве наград вручались также и переходящие призы, что вовлекало в сферу олимпийского движения новые города, государства. Так, лучшего гимнаста удостоивали призом города Праги, лучшего фехтовальщика на саблях – призом города Будапешта, пятиборца – призом шведского короля, десятиборца – призом российского императора...

Российская империя в шведских Играх решила принять самое полновесное участие. Перед Олимпиадой у нас был создан Российский Олимпийский Комитет, он получил моральную и материальную поддержку со стороны правитель-

ства, олимпийская команда в составе 169 человек готовилась выступить почти во всех видах соревнований и рассчитывала на успех. Вот что написано в обращении НОК к спортивным организациям России:

«В первых трех Олимпийских играх российские спортсмены не участвовали. Только в 1908 году на IV Олимпиаду в Лондоне были командированы некоторыми обществами в первый раз представители России. Из пяти участников один вернулся с первым призом, двое – со вторым. Этот факт, а также то обстоятельство, что российские любители – атлеты, борцы, конькобежцы, гребцы, стрелки, футболисты и другие – нередко одерживали победы над знаменитостями в России и за рубежом, позволяют быть уверенными, что при правильной организации Россия может показать себя на Олимпийских играх с лучшей стороны».

Но правильной организации, видно, не было. Так, в самом популярном и значимом разделе Игр – легкой атлетике из 47 российских спортсменов никто не завоевал ни одного призового места. Для сравнения: Финляндия, входившая в то время в состав Российской империи, но выступавшая отдельной командой, получила 6 золотых, 4 серебряных и 3 бронзовые медали. Не больно отличились мы и в других видах олимпийской программы: командное серебро в стрельбе из дуэльных пистолетов, серебро в академической гребле, бронза в гонке яхт и в одной из борцовских категорий.

Причину неудач озвучили быстро. Как это случается и ныне, тогда в первую очередь сослались на нехватку опыта. Это, конечно, тоже имело значение. Но не главное. Были и другие причины. Например, та, что в России начала прошлого века спорт являлся привилегией избранных, активным видом отдыха для них. Только здесь надо сделать уточнение. Были виды спорта элитные, престижные, как, допустим, стрельба из дуэльных пистолетов, или фигурное катание (наш первый олимпийский чемпион Николай Панин-Коломенкин – сын директора крупного завода, вполне обеспеченный человек), или гонки яхт (бронзовый призер таких гонок Александр Вышнеградский – владелец яхты)... И были, так сказать, не по чину, не по статусу. К таким относились многие легкоатлетические дисциплины и игровые виды спорта. Даже футбол. Потому Петр Москвин, легенда российского спорта, будучи далеко не рядовым служащим Русского торгово-промышленного банка, выступал за одну из команд Санкт-Петербурга под псевдонимом П. Морин.

В общем, в Российской империи того периода не было вразумительной спортивной политики. Была, как мы видим из Обращения НОК, лишь надежда, примерно сродни той, которую питал бывший президент РФС Сергей Фурсенко, заявляя, что у нас есть все шансы стать чемпионами мира по футболу в 2018 году.

Шансы-то есть у каждого, только для воплощения их в жизнь нужны не громкие заявления, а кропотливая работа.

Такая, какая велась, к примеру, лидерами олимпийского движения американцами от Игр в Греции до Игр в Швеции – представители этого государства являлись безусловными лидерами прошедших Олимпиад. Ведь спорт в США всегда был частью национальной культуры и политики, одним из рупоров пропаганды американского образа жизни и самоутверждения страны в образе сверхдержавы. Еще в 1888 году здесь был создан Любительский атлетический союз, со второй половины XIX века в большинстве штатов вводятся законы о физической подготовке в школах. В высших учебных заведениях были организованы команды по основным видам олимпийских программ со специализацией: если в одном университете акцент делался на подготовку спринтеров, то в другом на метателей, в третьем на прыгунов, пловцов... (Позже появилась и Национальная ассоциация студенческого спорта). В газетах, даже отраслевых, освещающих проблемы металлургии или ухода за новорожденными, все равно отводились если не полосы, то колонки под спортивные материалы. Перспективных спортсменов искали за рубежом и приглашали жить в Штаты. Так стал американцем эмигрант из Ирландии Мартин Шеридан, выигравший затем для новой своей родины три олимпийских золота в метании диска. Даже расистский дух Америки уходил на второе место, если дело касалось спорта. Обладатель золотых олимпийских медалей в пятиборье и десятиборье Джим Торп учился в школе для индейцев, рос в беднейшей семье, без отца, но как толь-

ко стал чемпионом учебного заведения, опеку над ним взял атлетический союз.

А вот как сложилась судьба другого их чемпиона – уже по плаванию. На Гавайских островах квартировали офицеры ВМФ Америки, и среди многих купающихся на пляже выделили парня, который прекрасно плавал. Ближайший военный корабль привез гавайца в Сан-Франциско, где Дюк Каханамоку – так его звали – показал в плавательном бассейне такой результат, что его тотчас включили в состав сборной США. Через год в Стокгольме на стометровке он победил с новым мировым рекордом...

В Российскую империю тоже ехали эмигранты, и хватало своих окраин, где жили, конечно же, физически одаренные люди. Только таланты их некому было замечать. Оторванное от народа царское правительство в этом виновато? Наверное, наверное... Но вот маленькая информация для размышления уже о днях сегодняшних. Со школьных спортивных залов в США регулярно ведутся прямые репортажи о мало-мальски значимых событиях города, штата, страны. У нас зачастую не показывают даже игры ведущих российских клубов в Лиге Чемпионов, не говоря уж о Премьер-лиге. А ведь речь идет об одном из самых популярных в России видов спорта! Что ж говорить о других?!

Сейчас трудно сказать, как бы писалась спортивная биография России после нашего провального выступления в Стокгольме. Формально вроде бы что-то сдвинулось с мерт-

вой точки (а это была действительно мертвая точка, поскольку в командном зачете на той Олимпиаде мы заняли одно из последних мест. А антирекорд наших футболистов, проигрыш команде Германии со счетом 0-14 на уровне олимпийских сборных, кажется, вообще можно заносить в книгу Гиннеса). В России начали проводиться свои олимпиады (1913, 1914 годы), по более демократичному принципу формировались команды, правда, легкоатлетические результаты, показанные там, не дотягивали до мирового уровня, за исключением, пожалуй, выступления спринтера Василия Архипова. В беге на стометровку он показал такие же быстрые секунды (10,8) с какими американец Р. Крейг выиграл звание чемпиона V Олимпийских игр.

Но оставим в покое места и медали, не о них сейчас речь. Вернемся к началу главы. Шведская Олимпиада получилась вроде бы такой, о какой и мечтал основатель новых Игр, однако на церемонии закрытия её Пьер де Кубертен сказал вот что:

«Последнее слово, произнесенное на этих Играх, должно быть посвящено расцвету следующих Олимпиад. Усилий власти и силы денег далеко еще не достаточно для успеха Игр. Необходимы настойчивость, терпение, упорство. Прежде всего необходимо иметь точное и ясное представление о целях спорта, его гуманном значении. Пусть же грядущая Олимпиада, как и ее предшественницы, внесет свой вклад в дело всеобщего благоденствия

и совершенствования человечества! Пусть ее будут праздновать все народы мира в радости и согласии!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.